

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
LINGUISTICS
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

УДК 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2024-10-3-0-1

Аматов А. М.¹
Кураш С. Б.²
Данилова Е. С.³

**Институциональность дискурса как
методологическая проблема**

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
E-mail: 1
ORCID: 0000-0002-5530-3274

² Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина
ул. Студенческая, 28, Мозырь, 247760, Республика Беларусь
E-mail: text2005@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2317-7872

³ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
E-mail: elena_danilova@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0003-1556-3116

*Статья поступила 30 августа 2024 г.; принята 15 сентября 2024 г.;
опубликована 30 сентября 2024 г.*

Аннотация: Институциональность дискурса, являясь одним из ключевых понятий современного дискурс-анализа и неотъемлемой характеристикой целого ряда видов дискурса, нередко представляет собой исследовательскую проблему не только практического, но и методологического свойства. Динамичность дискурса, его социальный характер часто не вмещаются в рамки институциональности, расширяя или даже нарушая их. Помимо общих методологических проблем, исследователь нередко сталкивается со случаями сознательного нарушения писанных и неписанных правил речевого поведения. Подобные примеры представляют собой определенную проблему классификации дискурса и методологии дискурс-анализа, но в то же время позволяют взглянуть на проблему институциональности под другим углом. В статье рассматриваются проблемы методологии институционального дискурса, связанные, с одной стороны, с неопределенностью (или недостаточно четкой определенностью) ряда понятий и видов дискурса, а с другой стороны – с нарушением статуса участников вплоть до смены их ролей. На первый взгляд, подобные нарушения идут вразрез с самим принципом институциональности. В работе будет показано, что с функциональной точки зрения институциональность не только сохраняется, но и служит орудием

манипуляции. Рассмотрены примеры таких коммуникативных нарушений, представляющих как методологические, так и практические затруднения дискурс-исследований. Показано, что формальная классификация видов дискурса через соответствующие им социальные институты при ее простоте неизбежно приводит к ряду проблем, таких как пересечение нескольких типов дискурса в одном дискурсивном акте или трудности отнесения к какому-либо типу по причине изменения речевых тактик участников дискурса.

Ключевые слова: Методология дискурс-анализа; Институциональность дискурса; Политический дискурс; Медиадискурс; Педагогический дискурс; Статус коммуникантов; Манипуляция

Информация для цитирования: Амагов А. М., Кураш С. Б., Данилова Е. С. Институциональность дискурса как методологическая проблема // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2024. Т. 10. № 3. С. 4-25. DOI: 10.18413/2313-8912-2024-10-3-0-1

UDC 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2024-10-3-0-1

Alexander M. Amатов¹

Sergey B. Kurash²

Elena S. Danilova³

Institutionality of discourse as a methodological problem

¹ Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: amatov@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0002-5530-3274

² I. P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University,
28 Studencheskaya St., Mozyr, 247760, Belarus
E-mail: text2005@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2317-7872

³ Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: elena_danilova@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0003-1556-3116

Received 30 August 2024; accepted 15 September 2024; published 30 September 2024

Abstract: Institutionality of discourse, as one of the key concepts of modern discourse analysis and an integral property of a number of discourse types, often poses a research problem of practical and/or methodological character. The dynamics of discourse and its social nature do not always fit into the framework of institutionality, extending it or even transgressing it. Apart from general methodological problems, the researcher often encounters cases of deliberate violation of written and unwritten rules of communication. Such examples, however, not only represent an issue, but also grant the possibility of looking at the problem of institutionality from a different angle. The article considers the problems of the methodology of institutional discourse associated, on the one hand, with the uncertainty (or an insufficiently clear definition) of a number of concepts and types

of discourse, and on the other hand, with shifts of status and roles of communicants. It might seem that such shifts make the principle of institutionality rather volatile. Our study shows, however, that functionally all the institutional properties of discourse stand and even serve as a tool for manipulation. We consider examples of such violations that present a methodological issue and hamper practical discourse research. It is shown that a formal classification of discourse types via corresponding social institutions, despite its simplicity, tends to produce a number of issues including the overlapping of several types of discourse in one discursive act or difficulties in attributing it to any particular type due to changes in the communicative tactics of participants.

Keywords: Methodology of discourse analysis; Institutionality of discourse; Political discourse; Media discourse; Academic discourse; Communicators' status; Manipulation

How to cite: Amatov, A. M., Kurash, S. B., Danilova, E. S. (2024). Institutionality of discourse as a methodological problem, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 10 (3), 4-25. DOI: 10.18413/2313-8912-2024-10-3-0-1

Введение

Большое количество исследований в области дискурса, с одной стороны, предоставляет в наше распоряжение богатый инструментарий. С другой стороны, всякое серьезное исследование в области дискурса начинается с определения исследуемого понятия, что порождает большое количество дефиниций. Это нормально, учитывая то обстоятельство, что каждый исследователь стремится выделить в исследуемом явлении в первую очередь те характеристики, которые отвечают целям и задачам исследовательской работы. Но, как и везде, в этом есть своя обратная сторона: в многочисленных определениях дискурса становится все сложнее ориентироваться. Мы не будем приводить множество этих определений, дабы не создавать еще одно нагромождение понятий и их трактовок. Вместо этого мы отметим наиболее существенные, на наш взгляд, характеристики дискурса, чтобы сразу прояснить, о чем именно пойдет речь в дальнейшем.

Итак, мы рассматриваем дискурс как коммуникативное действие, законченное или длящееся, происходящее в определенном контексте (историческом, культурном, политическом и т.д.), воспринимаемое и интерпретируемое

адресатом.

Данное определение вовсе не претендует на новизну и оригинальность: в частности, аналогичным образом определяет дискурс Т. ван Дейк (van Dijk, 1998: 192). Здесь мы лишь отметим те характеристики, отличающие дискурс от близких, но не тождественных ему понятий текста (речи) и жанра.

В отличие от текста как законченного речевого произведения, дискурс динамичен. Это не только и даже не столько сам продукт речевой деятельности, сколько взаимодействие, т.е. явление социальное. Проще говоря, дискурс – это не только сама речь (текст), взятая в определенном контексте, но и реакция на нее, ее интерпретация слушающими, читающими, смотрящими – аудиторией в целом и отдельным человеком в частности. Едва ли есть смысл отрицать, что один и тот же текст может по-разному интерпретироваться разными людьми, вызывать у них разные мысли, реакции, чувства. Это объясняется тем, что дискурсы в таких случаях разные, хотя лежащий в их основе текст один и тот же.

Иногда разные дискурсы, связанные тематически или по тем или иным формальным признакам, объединяют в общий вид, когда говорят и пишут о политическом дискурсе, педагогическом

дискурсе, юридическом дискурсе, спортивном дискурсе и т.д. Это сближает дискурс с понятием жанра, однако и между ними есть существенная разница. Жанр как совокупность структурных и содержательных особенностей текста неизменен, в то время как дискурс динамичен. И здесь, как и в случае с текстом, важную роль играет восприятие. К примеру, «Гамлет» является пьесой по форме и трагедией по содержанию независимо от зрителя или читателя, тогда как дискурс (театральный или художественный), как сказано в определении выше, обязательно включает восприятие и интерпретацию текста или театрального представления читателями и/или зрителями, их реакцию.

Восприятие и интерпретация не просто важная часть дискурса, но и в большинстве случаев – его цель. Писатель (если не брать в расчет случаи графомании, когда «пишут в стол») создает текст не просто так, а в расчете на определенную реакцию читателей. Еще ярче это прослеживается, например, в политическом дискурсе, где вообще практически ничего не говорится и не пишется «просто так». Таким образом, восприятие и интерпретация превращаются в инструмент обратной связи: говорящий или пишущий с самого начала принимает в расчет реакцию аудитории, и если он при этом правильно учитывает контекст и использует нужные коммуникативные средства, то добивается нужных ему результатов.

Наличие обратной связи необходимо учитывать при анализе любого дискурса, но прежде всего – институционального, поскольку именно благодаря ей социальные институты получают возможность влиять на общество. С одной стороны, дискурс институтов в значительной мере определяет поведение социальных групп и общества в целом, но с другой стороны, сам институциональный дискурс в известной мере определяется этим поведением, как мы постараемся

показать в дальнейшем.

С формальной стороны институциональный дискурс изучен в достаточной степени. В отличие от персонального дискурса, институциональность подразумевает наличие некоего социального института, который определяет его характер. При этом под определение социального дискурса подпадает как общение между внутри института, так и коммуникация между представителями института с одной стороны и общественности в самом широком смысле с другой стороны. Под общественностью здесь понимаются не только те, кто обращается к тому или иному институту (пациенты в медицинских учреждениях, студенты в образовательных учреждениях, прихожане церкви и т.д.), но и любые сторонние люди, так или иначе вовлеченные в коммуникативное взаимодействие с институтом – например, аудитория СМИ. Представителей института обычно называют агентами, а обращающихся к ним сторонних людей (например, за услугами) – клиентами. (Freed, 2015, Аматов, Свищев, 2023). В отличие от персонального дискурса, в диалоге «агент-клиент» последний воспринимает информацию как официальную, исходящую от компетентного органа. Соответственно, авторитет агента обычно (хотя и не всегда) выше, чем у клиента (van Dijk, 2008). Таким образом, институциональный дискурс «по умолчанию» подразумевает неравенство участников. Разумеется, речь идет о неравенстве позиций, хотя социальное неравенство может также присутствовать в институциональном дискурсе в том или ином виде, явно или неявно.

Социолингвистический подход подразумевает установление определенного соответствия между социальными институтами и преобладающими в их рамках видами дискурса, и на первый взгляд такая классификация вполне оправдана. В

частности, В.И. Карасик выделяет следующие типы современного институционального дискурса: политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и медийный (Карасик, 2000а: 24).

Впрочем, у данной классификации, как и у всех ей подобных, сразу обнаруживаются слабые стороны.

Во-первых, трудно назвать данный перечень полным и окончательным по причине изменчивости социальных институтов, возникновения новых и упразднения старых, что отмечает и автор классификации. Таким образом, перед нами скорее эскиз, нежели строгая структура, призванная охватить все существующие типы институционального дискурса.

Во-вторых, что более важно, за таким формализованным подходом ускользает из внимания важная существенная сторона институционального дискурса: характер отношений (а дискурс – это прежде всего отношение) между институтами и обществом. Институты конструируют дискурс и определяют нарративы не только в политике и СМИ, но и в самых различных областях повседневной жизни, влияя на самые разные процессы и отрасли общественной жизни: мобильность населения (Brömmelstroet et al., 2022), планирование будущего (Oomen et al., 2021), развитие городской инфраструктуры и транспорта (Egan, 2021), ресторанный бизнес (Kauhanen et al., 2024) и многое другое.

Сам В.И. Карасик, вводя данную классификацию, определяет основные признаки институционального дискурса следующим образом: «Институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: цели и участники общения. Цель политического дискурса – завоевание и удержание власти, педагогического

дискурса – социализация нового члена общества, медицинского дискурса – оказание квалифицированной помощи больному и т.д. Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты). Например, это учитель и ученик, врач и пациент, политик и избиратель, священник и прихожанин» (Карасик, 2000б: 11).

Здесь также необходимо отметить и те ограничения, которые накладывает на нас характер исследуемого явления. Будучи социальным действием, т. е. динамичной, а не статичной сущностью, дискурс вообще с трудом поддается регламентации. Чтобы говорить о наличии, отсутствии или нарушении институциональности, требуется некий четкий критерий помимо принадлежности кого-то из участников к тем или иным социальным институтам, а такие критерии в большинстве случаев отсутствуют. Существующие инструкции, регламенты и уставы, как правило, затрагивают лишь формальную сторону речи, но не ее семантику. В частности, уставы вооруженных сил предписывают военнослужащим, как они должны обращаться друг к другу, но при этом никак не регламентируют то содержание информации, которое они передают. Более того, они и не могут регламентировать это содержание, поскольку оно всегда ситуативно и не может быть предсказано заранее. Аналогичная ситуация наблюдается и в других видах дискурса, например, в политическом: смена нарратива вовсе не обязательно подразумевает изменение каких-то формальных признаков общения. К тому же сами эти формальные признаки нередко представляют собой обычные правила речевого этикета, большей частью неписанные. В связи с этим проблема, как нам представляется, носит двоякий характер. С одной стороны, не каждый дискурсивный акт можно однозначно отнести к какому-то одному типу – здесь

дискурс-анализ сталкивается с проблемой, схожей с трудностями определения жанровой принадлежности текста. С другой стороны, дискурс – это взаимодействие людей, которые далеко не всегда, условно говоря, давали обязательство строго следовать протоколу, а потому в анализе даже самых «безобидных» форм дискурса невозможно гарантировать отсутствие разного рода неожиданностей, сбоев, нарушения коммуникации и прочих «подводных камней».

В дальнейшем мы рассмотрим как пример дискурса, плохо поддающегося систематизации в рамках дихотомии «институциональный-персональный», так и случаи намеренного или невольного нарушения принципа институциональности в дискурсе, когда ситуация вышла из-под контроля или же была сознательно направлена по неожиданному и не предусмотренному никакими протоколами руслу.

Цели и задачи

Цель работы – выработка критерия институциональности, позволяющего не только классифицировать и далее исследовать тот или иной вид дискурса, но и помогающего раскрыть тактики манипуляции – в первую очередь, но не только политической. На наш взгляд, данный критерий следует искать не в формальной отнесенности дискурса к тому или иному социальному институту, а в его функциональных особенностях, позволяющих участникам добиваться своих целей, распространять и отстаивать свои интересы. В свою очередь, определение сущностных, а не формальных характеристик институционального дискурса (в том числе путем их противопоставления) является основной задачей данной работы.

Методы и материалы исследования

Помимо стандартных методов классификации и стратификации, в работе применяется метод критического дискурс-анализа (КДА). Данный метод

применяется преимущественно к тем видам дискурса, где явной или неявной целью выступает утверждение, поддержка и оправдание неравенства любого рода (социального, национального, гендерного и т.д.), а также воспроизводство действующей власти (Fowler, 1991; Fairclough, 1995; van Dijk, 2008; Wodak & Meyer, 2009; Catalano & Waugh, 2020; Sherwani, 2021).

Доминирование и подчинение в общественном смысле всегда подразумевает организацию, а в современном обществе – определенный социальный институт. Таким образом, институциональность удобнее всего анализировать с позиций критического дискурс-анализа, выявляя те функции, которые как сама институциональная принадлежность, так и отклонения от нее, выполняют при осуществлении стратегий доминирования, отстаивания и/или навязывания своих интересов.

В качестве фактического материала рассматриваются примеры медийного и политического дискурса, в которых при помощи разного рода манипуляций осуществляется, на первый взгляд, нарушение принципов институциональности, а на деле же манипулятор просто оборачивает институциональность против своего оппонента.

Результаты и их обсуждение

Институциональный дискурс и проблема классификации

Первая проблема, с которой сталкивается исследователь дискурса, в том числе институционального – это систематизация объекта исследования. На первый взгляд, социолингвистический подход позволяет систематизировать виды дискурса без особых проблем: насколько структурировано общество, настолько же структурирован и его дискурс. В.И. Карасик, как уже упоминалось выше, выделяет персональный и институциональный дискурс. Первый, в свою очередь, разделяется на бытовой и

бытийный и в основном выпадает из сферы нашего анализа, тогда как второй выделяется по социальным институтам, агенты которых являются его

репрезентантами: все просто, понятно и укладывается в стройную схему, как на рисунке ниже:

Рисунок 1. Типы дискурса согласно системе В. И. Карасика
Figure 1. Discourse types according to V. I. Karasik

Схема основана на классическом бинарном членении и подразумевает открытость, особенно в правой, наиболее интересующей нас части. Сюда можно добавлять новые типы дискурса, соответствующие новым общественным институтам, или делить уже имеющиеся согласно исследовательским целям и задачам. В целом все выглядит достаточно просто и удобно, а главное – хорошо структурировано.

Однако все, что хорошо структурируется, так же хорошо привлекает внимание критиков. Не стала исключением и предложенная В. И. Карасиком классификация. Критики не обошли вниманием определенную условность такого разделения дискурса на

типы. В частности, Ю.Е. Прохоров справедливо замечает в этой связи: «Действительно, с одной стороны, ряд из них (видов дискурса – авт.) может быть сопоставлен в родовидовом отношении: научный дискурс может быть и юридическим, и медицинским, и педагогическим. Педагогический может быть и научным, и личностно-ориентированным – бытийным (как процесс обучения) и даже бытовым – как процесс воспитания, например, в семье. С другой стороны, даже обиходно-бытовое общение (бытовой дискурс) на практике редко не является статусно-ориентированным, как, впрочем, и дискурс бытийный. И оба они редко не содержат некоторые составляющие научного или,

например, массово-информационного дискурса» (Прохоров, 2006: 196–197).

В процитированном рассуждении мы выделили полужирным шрифтом фрагмент, непосредственно относящийся к смешению институционального и персонального в дискурсе. Действительно: что представляет собой, к примеру, педагогический дискурс (однозначно отнесенный у В.И. Карасика к институциональным видам) и чего в нем на самом деле больше: институциональных, регламентированных характеристик или же персональных, лично ориентированных?

В этой связи критически важным для целей нашего исследования представляется и дальнейшее развитие мысли В.И. Карасика, а именно следующий фрагмент: «В педагогическом дискурсе доля личностного компонента достаточно велика (она различается и в лингвокультурном отношении, например, в российских и американских школах приняты разные режимы общения учителя и ученика, в нашей стране традиционно отношения между школьниками и учителями являются более близкими, чем в США, но, с другой стороны, там менее формализованы отношения между студентами и преподавателями университетов, чем в России)» (Карасик, 2002: 11).

Во-первых, отметим здесь значительную роль «личностного компонента» в институциональном (по определению автора) педагогическом дискурсе. Во-вторых, немаловажным в свете нашей работы представляется и тот момент, что особенности образовательного дискурса могут в значительной степени варьироваться в зависимости от лингвокультурной специфики среды, в частности, русской, британской, американской, французской и других лингвокультур.

В связи с этим возникает проблема институционального статуса педагогического дискурса, степени его

опосредованности теми или иными общественными институтами, прежде всего образовательными учреждениями.

Педагогический дискурс и границы институциональности

В отечественной науке (в частности, педагогической), как и в русскоязычной лингвокультуре в целом, сложился взгляд на воспитание как неотъемлемую часть целостного учебно-воспитательного процесса. Поскольку сам процесс образования обычно рассматривается как протекающий в стенах разного рода образовательных учреждений, то и педагогический дискурс принято считать институциональным. Думается, что именно на этом основании он включен в перечень видов институционального дискурса, предложенный В.И. Карасиком.

Так, в работе Т.М. Тленкопачевой представитель социального института образования рассматривается как основной участник и инициатор педагогического дискурса. **«В ПД в роли адресанта выступают представители института образования. Адресант выступает в качестве дискурсивного экспертного общества, которое представляет собой иерархически организованную группу экспертов в сфере образования, которая владеет определенным набором жанров, посредством которых осуществляются коммуникативные цели»** (Тленкопачева, 2019: 57). Учитель, по мнению автора, выступает основным инициатором речевой ситуации: «Именно в его руках сосредоточена власть в конкретной обстановке. Его можно назвать «держателем речи», адресантом, который создает тексты по причине внутренней необходимости, потребности, желания. **Адресант наделен талантом создавать речь и воплощать ее в жизнь в виде собственного педагогического текста.** При этом целью адресанта является намеренное воздействие на адресата с желанием добиться желаемого в определенной коммуникативной ситуации» (Тленкопачева, 2019: 57–58). Итак, здесь

основными характеристиками адресанта педагогического дискурса названы принадлежность к определенному образовательному институту и особые компетенции – способность «создавать речь и воплощать ее в виде собственного педагогического текста». Все эти особенности, безусловно, подчеркивают институциональный характер педагогического дискурса. Отсюда логически следует вывод о том, что и основные виды педагогического дискурса, дидактический и воспитательный, тоже носят институциональный характер, поскольку являются частями более общего педагогического дискурса.

Основываясь на такой концепции, некоторые авторы начинают делить педагогический дискурс на виды в зависимости от их жанровых особенностей и характеристик: дидактический, академический, публицистический, социализирующий, специальный (Остражкова, 2004: 8).

Если кратко обобщить вышеизложенное, то взаимоотношение педагогического, учебного и воспитательного дискурса представляются следующим образом: педагогический дискурс представляет собой вид институционального дискурса, в котором агентами выступают представители разного рода социальных образовательных институтов, а учебный и воспитательный дискурс можно рассматривать как подвиды педагогического. В русле такого подхода получается, что не только учебный, но и воспитательный дискурс – это дискурс институциональный.

Однако современная педагогика выделяет три основных формы образования: формальную, неформальную и информальную (см., например, Меморандум непрерывного образования Европейского Союза). Из этих трех форм только первую можно считать в полной мере институциональной: формальное образование как раз и осуществляется в рамках официальных учебных заведений.

Соответственно, институциональным будет и дискурс формального образования. В неформальном образовании, которое, согласно тексту меморандума, осуществляется «в образовательных учреждениях или общественных организациях, клубах и кружках, а также во время индивидуальных занятий с репетитором или тренером», институциональная составляющая дискурса уже значительно слабее или вовсе отсутствует – как, например, в занятиях с индивидуальным тренером или репетитором. Наконец, в информальном образовании, под которым понимается «индивидуальная познавательная деятельность, сопровождающая нашу повседневную жизнь и не обязательно носящая целенаправленный характер», об институциональном дискурсе речь вести и вовсе не приходится – такое образование основано исключительно на личностно-ориентированном общении.

Более того, отмечается также отсутствие (а в последнее время – и целенаправленное стирание) четких границ между тремя этими формами образования. В частности, как отмечает Г. М. Нефедова, «именно в последнее время наблюдается движение в сторону оформления интеграции теории и практики указанных форм образовательной деятельности. Формальному образованию намеренно придаются некоторые черты неформального и наоборот, а информальное образование пронизывает как формальное, так и неформальное образование» (Нефедова, 2017: 128). Подобное размывание границ не может не отражаться на образовательном дискурсе, поскольку накладывает отпечаток на сам характер педагогического общения.

Таким образом, в неформальном обучении мы сталкиваемся с прямым нарушением основополагающего формального критерия институциональности – принадлежности ведущего участника дискурса к тому или

иному общественному институту. В самом деле, индивидуальный тренер, репетитор или наставник (например, гувернант) вовсе не обязательно представляют какую-то организацию. Еще меньше оснований усматривать признаки институциональности в дискурсе информального образования, которое по определению осуществляется в повседневной жизни, т.е. как раз в той сфере, где применяется в основном персональный, а не институциональный дискурс.

Педагогический дискурс нередко выходит за рамки институционального, что, в свою очередь, влияет на характер педагогического общения, в том числе выбор языковых средств. Институциональность воспитательного дискурса, к примеру, также не является безусловной в силу характера самого процесса воспитания, осуществляемого не только в рамках учебных заведений, но и за их стенами. Здесь прежде всего необходимо разобраться с отношением включенности данных понятий, а именно, является ли воспитательный дискурс частью педагогического или это пересекающиеся понятия, ни одно из которых не входит полностью в состав другого.

Современный энциклопедический словарь (1997) определяет образование как «целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства», который «ведет к овладению ценностями культуры и нравственно-эмоционального отношения к миру, опытом профессиональной и творческой деятельности, сохраняющими и развивающими духовные и материальные достижения человечества» (СЭС: Образование). При этом воспитание в том же словаре определяется как «создание условий для развития и саморазвития человека, освоения им социального опыта, культуры, ценностей и норм общества». Интересен и состав участников процесса воспитания, по мнению составителей

словаря: «В воспитании взаимодействуют личность, группы и коллективы, семья, социальные институты: учебно-воспитательные заведения, государственные общественные организации, церковь; значительное влияние на воспитание оказывают средства массовой коммуникации и др.» (СЭС: Воспитание).

Как видим, «овладение ценностями культуры» и выработка «нравственно-эмоционального отношения к миру» как раз и подразумевают воспитание. При этом в воспитании, по мнению авторов словаря, участвуют далеко не только учебно-воспитательные заведения, но и другие группы и коллективы: семья, церковь, СМИ и прочие. Но семейный дискурс нельзя назвать институциональным: он в первую очередь личностный – бытовой или бытийный. Церковь же, хоть и является социальным институтом, однако «отвечает» за другой вид дискурса, религиозный, который в вышеприведенной классификации представляет собой самостоятельный вид институционального дискурса, отличный от педагогического.

Педагогический энциклопедический словарь (2009), будучи специализированным, профильным изданием, раскрывает понятие образования шире (полужирный шрифт наш): «В О. **объединяются обучение и воспитание**, обеспечивающие готовность личности к выполнению социальных и профессиональных ролей. В О. индивид **осваивает систему ценностей**, знаний, умений и навыков, соответствующих его интересам и **общественным ожиданиям**. ... В образовательном процессе участвуют ученики и воспитанники, преподаватели и воспитатели, образовательные программы, содержание образования, методы и средства обучения, группа (класс), школа, **окружающая среда в целом и, прежде всего, культурная среда**» (ПЭС: Образование).

Авторы этого словаря указывают, что образование объединяет обучение и

воспитание. Таким образом, понятие воспитания оказывается включенным в объем более широкого понятия образования. При этом среди участников процесса образования, помимо социальных институтов, названа «окружающая среда в целом», что явно выводит понятие образовательного дискурса за рамки чисто институционального. Воспитание же в Педагогическом энциклопедическом словаре определяется следующим образом: «ВОСПИТАНИЕ, относительно осмысленное и целенаправленное возвращение человека в соответствии со спецификой целей, групп и организаций, в которых оно осуществляется. В. как относительно социально контролируемая социализация отличается от стихийной и относительно направляемой социализации тем, что в его основе лежит социальное действие, которое М. Вебер определял как направленное решение проблем, сознательно ориентированное на ответное поведение партнеров и предполагающее субъективное осмысление возможных вариантов поведения людей, с которыми человек вступает во взаимодействие. В отличие от социализации – процесса непрерывного, В. – процесс дискретный (прерывный), ибо, будучи планомерным, **осуществляется в определенных организациях**, т.е. ограничено местом и временем» (ПЭС: Воспитание).

В этом определении имеется явное несоответствие с предыдущим тезисом: если образование включает в себя воспитание и осуществляется не только в образовательных учреждениях, но и «окружающей средой в целом и, прежде всего, культурной средой», то почему воспитание ограничивается лишь рамками «определенных организаций»? Может быть, воспитание – это такая часть образования, которая может осуществляться только в определенных институтах, без которых воспитание немислимо? В этой связи попытаемся выяснить, что думают по этому поводу представители педагогической науки.

Известнейший педагог А.С. Макаренко писал: «Воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего и больше всего – люди. Из них на первом месте – родители и педагоги» (Макаренко, 2023: 11). Оказывается, воспитывать, по мнению Антона Семеновича, могут не только люди, но и неодушевленные предметы и явления. А главное – среди воспитателей-людей Макаренко выделяет не только педагогов, но и родителей, причем родителей ставит на первое место. То есть мы опять возвращаемся к повторению той, пусть и банальной, но безусловной истины, что воспитание начинается в семье. А семейный дискурс, как говорилось выше, институциональным не является. Более того, если проследить дальше за мыслью А. С. Макаренко, то можно отметить и еще более интересные вещи. «Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок входит в бесконечное число отношений, каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка.

Весь этот «хаос» не поддается как будто никакому учету, тем не менее он создает в каждый данный момент определенные изменения в личности ребенка. Направить это развитие и руководить им – задача воспитателя.

Бессмысленна и безнадежна попытка некоторых родителей извлечь ребенка из-под влияния жизни и подменить социальное воспитание индивидуальной домашней дрессировкой. Все равно это окончится неудачей: либо ребенок вырвется из домашнего застенка, либо вы воспитаеете уроды» (Макаренко, 2023: 11–12).

Как видим, в отличие от авторов Педагогического энциклопедического словаря, А.С. Макаренко вовсе не считал воспитание дискретным процессом. В его понимании это процесс непрерывный, включающий огромное количество факторов и отношений между ними, на

первый взгляд – «хаос, не поддающийся учету». Другими словами, воспитание – процесс жизненный, который лишь условно, с большими оговорками может быть разделен на какие-то этапы, виды и т.д. Отметим, что и дискурс как коммуникативное действие – тоже в известной степени «хаос, не поддающийся учету». Это жизненный процесс, и по той же причине трудно укладывается в строгую классификацию, исключая какие-то промежуточные компоненты и взаимные пересечения областей. В связи с этим ограничить воспитательный дискурс узкими институциональными рамками означало бы неоправданно сузить область его применения и, как следствие, его научного изучения.

Границы институциональности и их нарушение

Сопоставление дефиниций, исследовательской практики и нормативных документов показывают, что в отношении институциональности педагогический дискурс является одной из проблемных областей исследования с методологической точки зрения. Разумеется, вопрос соответствия классификации и практики дискурс-анализа не ограничивается одним лишь педагогическим дискурсом: при анализе дискурса любого типа могут возникнуть аналогичные бреши (когда непонятно, к какому типу дискурса относится тот или иной дискурсивный акт) или, напротив, наложения (когда один дискурсивный акт подпадает сразу под несколько пунктов классификации). Однако в вышеприведенных рассуждениях о педагогическом дискурсе нам по крайней мере не приходится говорить о сознательном нарушении правил коммуникации: вряд ли педагоги и составители словарей намеренно вводят свою аудиторию в заблуждение. Скорее всего, здесь мы имеем дело лишь со сложностью классификации, вытекающей из своего рода «размытости» самих исследуемых явлений, что является лишь

одной из сторон проблемы. Другой ее стороной является деятельность самих участников дискурса, нарушающая установленные нормы и тем самым затрудняющая классификацию и дальнейший анализ коммуникативного акта.

Как отмечают составители сборника “Institutionality: Studies of Discursive and Material (Re-)ordering”, социальные институты, вопреки распространенному представлению об этих структурах, не являются чем-то стабильным и неизменным. Они постоянно изменяются, организуя и реорганизуя власть на всем земном шаре (Porsché, 2022). Мало того, что меняются сами институты, их отдельные агенты нередко разнообразят дискурс собственными творческими находками, что делает его еще более текучим и, на первый взгляд, вовсе не поддающимся структурированию. Предлагаем в этой связи рассмотреть несколько примеров таких «институциональных сдвигов», которые не только привлекают внимание, но и, что самое главное, позволяют агентам социальных институтов вполне успешно продвигать свои интересы и добиваться целей. В качестве первого такого примера приведем фрагмент интервью от 12 апреля 2023 года, которое известный предприниматель Илон Маск, глава сразу нескольких крупных корпораций, дал корреспонденту Би-Би-Си Джеймсу Клейтону. Как мы постараемся показать в дальнейшем, сама продолжительность фрагмента также имеет довольно важное значение.

Elon Musk (00:00:33):

You see more hate speech personally?

Interviewer (00:00:35):

I would say see more hateful content in that.

Elon Musk (00:00:38):

Content you don't like, or hateful?

Describe a hateful thing.

Interviewer (00:00:42):

Yeah, I mean just content that will

solicit a reaction. Something that may include something that is slightly racist or slightly sexist. Those kinds of things.

Elon Musk (00:00:54):

So you think if it's something that is slightly sexist it should be banned?

Interviewer (00:00:57):

No, I'm not saying anything. I'm saying-

Elon Musk (00:01:00):

I'm just curious. I'm trying to understand what you mean by "hateful content." And I'm asking for specific examples. And you just said that if something is slightly sexist, that's hateful content. Does that mean that it should be banned?

Interviewer (00:01:14):

Well, you've asked me whether my feed, whether it's got less or more. I'd say it's got slightly more.

Elon Musk (00:01:20):

That's why I'm asking for examples. Can you name one example?

Interviewer (00:01:23):

I honestly don't...

Elon Musk (00:01:24):

You can't name a single example?

Interviewer (00:01:28):

I'll tell you why. Because I don't actually use that For You feed anymore. Because I just don't particularly like it. Actually a lot of people are quite similar. I only look at my following.

Elon Musk (00:01:36):

You said you've seen more hateful content, but you can't name a single example. Not even one.

Interviewer (00:01:41):

I'm not sure I've used that feed for the last three or four weeks. And I honestly couldn't-

Elon Musk (00:01:44):

Then how could you see the hateful content?

Interviewer (00:01:46):

Because I've been using it. I've been using Twitter since you've taken it over for the last six months.

Elon Musk (00:01:50):

Then you must have at some point seen the For You hateful content. I'm asking for one example.

Interviewer (00:01:54):

Right.

Elon Musk (00:01:55):

And you can't give a single one.

Interviewer (00:01:56):

And I'm saying-

Elon Musk (00:01:57):

Then I say, sir, that you don't know what you're talking about.

Interviewer (00:02:00):

Really?

Elon Musk (00:02:00):

Yes. Because you can't give a single example of hateful content. Not even one tweet. And yet you claimed that the hateful content was high. That's false.

Interviewer (00:02:12):

No. What I claimed-

Elon Musk (00:02:13):

You just lied.

Здесь сразу обращает на себя внимание смена ролей: вопросы задает И. Маск, а журналист пытается отвечать. При этом И. Маск его постоянно перебивает (на что указывают реплики репортера *I honestly don't...*, *What I claimed-*, *And I'm saying-*) и настойчиво повторяет свой вопрос снова и снова, требуя привести примеры «контента ненависти» в сети Твиттер, о котором в начале интервью упомянул журналист. Конечно, в этой связи возникает вопрос по поводу профессиональной компетенции журналиста, который поднял довольно острую тему, не удосужившись найти хотя бы несколько фактических доказательств своих утверждений. Этим немедленно воспользовался Илон Маск, перейдя в контратаку и полностью перехватив инициативу. Журналисту оставалось лишь отделаться невразумительными общими фразами про «что-то слегка расистское и слегка сексистское» и пытаться сменить тему, чего И. Маск не позволял сделать на протяжении довольно долгого времени.

Однако ответ на вопрос о

профессионализме репортера, каким бы он ни был, не приблизит нас к пониманию, зачем И. Маск сделал то, что сделал. То, что И. Маск с самого начала ломает формат интервью, можно назвать простым хулиганством или «троллингом», как это сейчас называют на сетевых ресурсах, однако не будем делать поспешных выводов.

Во-первых, если это было простой хулиганской выходкой, то она слишком затянулась. Мы привели хоть и довольно большой (2 минуты), но далеко не полный фрагмент интервью, где И. Маск препирается с журналистом, требуя предъявить примеры «контента ненависти» в своей соцсети. Все препирательство миллиардера с журналистом на эту тему, в ходе которого журналист все сильнее сдавал позиции своему визави, длилось более трех минут и закончилось, как нетрудно догадаться, торжеством Илона Маска.

Во-вторых, роли интервьюера и интервьюируемого поменялись не только на одном этом промежутке: до самого конца интервью И. Маск явно давал понять, кто доминирует в данном акте коммуникации, причем делал это открытым текстом. Приведем еще один фрагмент:

Elon Musk (00:03:49):

And what about the fact that the BBC was put under pressure by the British government to change its editorial policy? Are you aware of that?

Interviewer (00:03:56):

This is not an interview about the BBC.

Elon Musk (00:03:59):

Oh, you thought it wasn't?

Interviewer (00:04:02):

I see now why you've done Twitter Spaces. I am not a representative of the BBC's editorial policy. I want to make that clear. Let's talk about something else-

Elon Musk (00:04:08):

I'm interviewing you too.

Здесь Маск не только задает вопросы, но и сам определяет тему разговора, а

также констатирует: «Я тоже беру у вас интервью». Это уже слишком даже для злостного хулиганства.

В-третьих, и это самое главное, в анализе дискурса надо обязательно учитывать контекст, в котором звучат те или иные вопросы и ответы. И этот контекст был таким, что выставял Илона Маска в очень невыгодном свете. Дело в том, что Маск, приобретя Твиттер, сократил более 80% его сотрудников (из 8000 осталось 1500). Именно об этом сокращении начал было спрашивать журналист, затронув проблемы модерации и упомянув злополучный «контент ненависти», за который тут же ухватился Маск. А поняв, что журналист допустил оплошность (если, конечно, все интервью с самого начала не было срежиссированной акцией) и конкретных примеров приведено не будет, Маск сразу захватил «бразды правления» в свои руки и не выпускал их до конца интервью.

Что характерно, данное интервью (а его в первый же день просмотрело более 3 миллионов человек) большинству запомнилось именно остроумными и нешаблонными репликами Маска, который «ставит зарвавшегося журналиста-манипулятора на место». Во всяком случае, содержание большинства комментариев (мы просмотрели более тысячи) именно таково. Некоторые комментаторы также отмечают непрофессионализм репортера, но никто не задается основным вопросом – массовым сокращением персонала. Во всяком случае, нам этот вопрос в комментариях не встретился ни разу. Возможно, что «неудобные» вопросы просто удаляются модераторами, но это является только лишним подтверждением того факта, что доминирующие социальные группы и институты неуклонно блюдут свои интересы, моделируя и структурируя дискурс в том числе и такими незатейливыми методами. Нам же остается лишь констатировать: данный институциональный сдвиг, смена социальных ролей или коммуникативный

сбой – можно называть как угодно – Илону Маску полностью удался, достигнув всех целей. Миллиардер не только сохранил репутацию, избежав неприятных ассоциаций, но и зарекомендовал себя остроумным, эрудированным и нешаблонно мыслящим человеком самых широких взглядов. И, что немаловажно, поборником справедливости.

И еще одно возможное возражение в связи с нашим анализом этого интервью: что если институциональность тут ни при чем, Маск просто говорил как частное лицо, выражая лишь свою точку зрения, а никак не корпоративные интересы? На этот вопрос мы даем однозначно отрицательный ответ сразу по ряду причин. Во-первых, Илон Маск, как уже говорилось, является владельцем и генеральным директором сразу нескольких очень крупных корпораций (Tesla, SpaceX, Twitter) и маловероятно, чтобы он хоть на минуту забыл об их (то есть о своих) интересах, особенно перед телекамерами. Во-вторых, вопросы в интервью были вовсе не о том, какие блюда Маск предпочитает есть на обед или какие сувениры покупает в командировках – они все были о политике и/или крупном бизнесе (а другим бизнесом Илон Маск, насколько нам известно, не занимается). В-третьих, при всей своей экстраординарности беседа Маска с репортером получилась максимально обезличенной в том смысле, что в ней выдвигаются претензии и упреки не к отдельным лицам, а к корпорациям, будь то Твиттер, Тесла или Би-Би-Си. Говорить почти исключительно о корпорациях, не подразумевая корпоративных интересов, было бы крайне странно. Таким образом, институциональность в данном интервью присутствует как прямо, так и скрыто, несмотря на кажущийся «парадокс»: интервью в целом звучит как нарушение институциональности вплоть до полного ее отрицания. Однако отрицать, на наш взгляд, следует не институциональность, а лишь формально-структурный подход к ее

описанию и объяснению.

Рассмотрим еще один дискурсивный акт тоже в формате интервью, которое состоялось буквально через несколько дней после рассмотренного выше, а именно 21 апреля 2023 года. Речь пойдет об интервью Лю Шая, посла КНР во Франции, французскому телеканалу LCI (L'interview). Цитаты из интервью были размещены на странице канала в сети Twitter, откуда довольно быстро разошлись по другим сетевым ресурсам. Но если интервью Илона Маска на канале BBC всего лишь «взорвало интернет», то с интервью посла КНР французскому телеканалу все зашло значительно дальше. На прозвучавшие в этом интервью высказывания отреагировали не только блогеры и журналисты, его не обошли вниманием и официальные государственные институты. Их задело то, что посол назвал страны бывшего СССР «не имеющими эффективного статуса в международном праве». Сразу 80 депутатов Европарламента направили министру иностранных дел Франции К. Колонна письмо, требуя объявить посла КНР персоной нон грата и называя его поведение неприемлемым и «оскорбляющим историю, культуру и целостность государств» (ТАСС, 2023). Кроме того, министерства иностранных дел нескольких бывших советских республик вызвали послов КНР «для объяснений» – по всей видимости, оскорбившись тем, что им отказали в «эффективном международном статусе» (Коммерсантъ, 2023).

Мы не будем подробно вдаваться в политический и социальный контекст данного интервью, сделав ссылку на одну из наших предыдущих работ, где все это рассмотрено более подробно (Аматов, Свищев, 2023). Тем не менее, ряд моментов следует отметить как для прояснения общей ситуации, так и в связи с главным объектом нашего внимания – институциональностью.

Во-первых, как уже упоминалось

выше, здесь как раз тот случай, где смешиваются две разновидности институционального дискурса по формальной, социолингвистической классификации: с одной стороны, это политический дискурс, с другой – медийный. Это обстоятельство в принципе могло бы и не иметь решающего значения, если бы принципы институциональности, как и в предыдущем примере, не были нарушены и журналист просто делал бы свою работу, а дипломат – свою. Однако ситуация развивалась иначе. Поэтому важно учесть, что посол и журналист изначально находятся в разных условиях, причем посол более уязвим в силу большей ответственности и более жестких рамок, которые накладывает на него дипломатический протокол.

Во-вторых, что касается контекста, то здесь необходимо учесть визит президента Франции Э. Макрона в Китай, состоявшийся незадолго до данного интервью и, по-видимому, не достигший ожидаемых целей. Именно с обсуждения этого визита дискуссия начинает приобретать напряженность, которая в конечном итоге вылилась в слова, за которые посла КНР требовали призвать к ответу. Забегая вперед, надо также отметить, что скандал не привел к отставке посла – во всяком случае, на июнь 2024 г. (т.е. спустя более чем год после событий) Лю Шай продолжал исполнять свои обязанности. Это говорит о том, что руководство внешнеполитического ведомства Китая не усмотрело «крамолы» в его интервью, в отличие от целого ряда своих европейских коллег.

Итак, посол прокомментировал визит президента Макрона в Китай и сделанные им заявления как «полностью отвечающие интересам Франции». Этот дипломатичный ответ, очевидно, не соответствовал ожиданиям репортера, который немедленно начал накалять обстановку. В разговоре происходит «скачок напряжения», что хорошо заметно по следующей реплике журналиста:

On voit à quel point cette déclaration a provoqué la colère de beaucoup en Occident qui considèrent qu'on a trop concédé à une dictature qu'est la Chine. Le petit clip que présente la république lui aussi est conçu de retour de Chine a beaucoup marqué en ce sens-là. Est-ce que vous entendez cette inquiétude des Occidentaux qui se disent on a fait là trop de concessions?

Если в предыдущем рассмотренном нами интервью Илон Маск, сменив характер дискурса и взяв на себя роль репортера, все же оставался в рамках логики и здравого смысла, то здесь мы видим набор стандартных демагогических приемов, примеры которых выделены шрифтом. Реплика начинается с подмены причины известного следствия: вспышка «общественного гнева», который переживала в те дни Франция, была связана с непопулярной пенсионной реформой, которая волновала французов гораздо больше, чем довольно ровные заявления их президента в Китае, да и акции протеста начались за несколько месяцев до визита Макрона в Китай. Следом идет пропагандистское клише про «китайскую диктатуру» и прямая ложь о том, что президент Франции якобы сделал уступки этой «диктатуре». Далее следует отсылка к общественному мнению жителей Запада, которого, разумеется, никто не спрашивал. И завершает данный пассаж еще одно упоминание об «уступках», которые никто не делал – чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать сами заявления Макрона. Мы не будем приводить их здесь, однако найти их не представляет никакой сложности.

Дипломат на первых порах реагирует достаточно спокойно: отметив, что «вообще-то Китай не диктатура», он предлагает перейти к обсуждению насущных политических проблем. Журналист, тем не менее, продолжает давить:

La citation du général de Gaulle: Quand il parle de l'excellence du fait que vous ayez, quand il alerte tellement au datif à

vosre égard pour l'année 1964. Mao Zedong est-il toujours là? C'est un des plus grands criminels de l'histoire. Mao Zedong a fait déporter, torturer, assassiner tant de gens, des millions de gens. Est-ce que vous comprenez que les sentiments de beaucoup d'Occidentaux, que, à l'époque de général de Gaulle se trompaient. Et à l'époque, qu'aujourd'hui ceux qui veulent traiter avec la Chine peuvent se tromper.

Если в предыдущем примере «слом шаблонов» был инициативой интервьюируемого, то здесь тем же самым занимается уже сам репортер, который фактически перестает быть репортером. Он не задает вопросы с целью получить ответы, а высказывает и навязывает собственное (собственное ли?) мнение в достаточно безапелляционной форме. Снова сославшись на «общественное мнение» (точнее даже «чувства многих жителей Запада»), репортер допускает уже прямые оскорбления страны, которую представляет посол. Мао Цзэдун назван «одним из крупнейших преступников в истории», на котором «насильственные депортации, пытки и убийства миллионов человек». Вину может признать только суд, но об этом принципе права (кстати, западного) журналист почему-то забыл, поставив клеймо преступника на наиболее уважаемого в Китае руководителя. Видимо, «чувства жителей Запада», которых неизвестно каким образом касаются вымышленные преступления Мао Цзэдуна, оказываются важнее права. Очевидно, что логика и исторические факты в этот момент интересовали журналиста меньше всего. То, чем он занимался, было неприкрытой провокацией. В какой-то мере эта провокация удалась, что видно и по реакции посла, который сначала допустил некоторое снижение регистра речи (в допустимых пределах, разумеется), назвав эти домыслы «пустой болтовней» (*racontards*), а затем и те высказывания, которые вызвали бурю на Западе, не возымев в то же время никакого заметного

эффекта на Востоке. Видимо, в китайском МИД поняли, что данное интервью было провокацией. Впрочем, догадаться об этом несложно с учетом тех приемов, которые применял журналист и которые мы только что рассмотрели.

Функциональный взгляд на институциональность дискурса

Провокационные интервью, где участники (будь то журналисты или интервьюируемые) нарушают не только правила речевого этикета и/или принципы профессиональной этики, но и институциональные основы дискурса, довольно распространены и появились не вчера. Мы лишь привели наиболее резонансные из сравнительно недавних. В чем причина и цель подобных провокаций? В случае с интервью, рассмотренными выше, ответ, как ни странно, лежит на поверхности: власть. Илон Маск сразу дал понять «зарвавшемуся» журналисту, кто на самом деле представляет власть в этой студии. И, что немаловажно, добился успеха, не только сохранив имидж, но и укрепив его при помощи нестандартных коммуникативных ходов. В другом примере журналист, напротив, при помощи несложных манипуляций «поставил на место» посла, несмотря на то, что формально социальный статус дипломата гораздо выше, чем у журналиста. Стало быть, формальный статус коммуникантов (как и формальный подход к дискурсу в целом) не является определяющим при выявлении институциональных характеристик дискурса. Тогда что является?

Древние римляне рекомендовали в любой непонятной ситуации искать ответ на вопрос “*Cui prodest?*” И, как нам представляется, для любого исследователя дискурса, в особенности институционального, данный вопрос должен стать чем-то вроде девиза. Институциональный дискурс очень изменчив, может принимать разные формы, менять содержание, даже вполне допускает противоречивые тезисы вплоть

до взаимоисключающих (вспомним известный мем «Вы не понимаете, это другое»). Но есть ли в нем хоть что-то, остающееся неизменным во все времена и во всех обстоятельствах? То, от чего может (и должен, раз уж на то пошло) отталкиваться всякий добросовестный исследователь? Такая сущность есть, и это власть со своими интересами, главный из которых – оставаться властью. Соответственно, дискурс-анализ целесообразно строить не на формальных основаниях принадлежности участников дискурса к тому или иному социальному институту, а на содержательной стороне сообщений, а именно на том, чьи интересы они выражают и отстаивают. В этой связи, например, представляет интерес освещения одного и того же события разными СМИ, за которыми стоят разные политические институты (Yu, Zheng, 2022), которые и являются бенефициарами от продвижения определенной повестки. Также всевозможные случаи оговорок и в особенности намеренных подтасовок и прочих манипулятивных приемов позволяют четче рассмотреть тех, «кому выгодно».

Какие черты отличают функциональный подход к исследованию дискурса от формального? Прежде всего, сосредоточенность на содержательной, а не на формальной стороне дискурса. Скажем, в обсуждении какой-то проблемы на телевидении принимают участие журналист, политик, педагог, священник и представитель правоохранительных органов. Формальный подход, помимо трудностей с классификацией (медийный, политический, педагогический, религиозный, юридический – какой перед нами тип дискурса?), оказывается еще и малопродуктивным. Если мы, прибегая к натяжкам, даже сумеем втиснуть данный дискурсивный акт в тот или иной тип, это не приведет нас ни к каким конкретным выводам. Чтобы сделать анализ дискурса продуктивным, нам необходимо обратиться к анализу самих высказываний

и реакции на них, в том числе и оставив в стороне институциональную принадлежность участников, если потребуется.

На наш взгляд, успешный анализ дискурса должен включать (но не обязан ограничиваться ими) следующий ряд действий:

- анализ контекста (культурного, исторического, политического, экономического и т.д.);
- лингвистический анализ текста (в особенности темы и основной идеи);
- анализ открытых источников (буквально все, что можно найти в связи с данным дискурсивным актом);
- анализ обратной связи (лингвистический, психологический, социокультурный);
- анализ последствий (процедура, схожая с анализом рисков в экономике, но имеющая более широкое применение).

Институциональность, как нетрудно заметить, может проявляться (и чаще всего будет себя проявлять) на всех этапах такого анализа. Исследование контекста позволяет раскрыть, какие институты представлены (или могут быть опосредованно представлены) в том или ином дискурсивном акте. Лингвистический анализ текста дает представление о том, с каким типом текста мы имеем дело, а значит, и какой институт стоит или может стоять за теми или иными высказываниями. Анализ открытых источников позволяет получить необходимую информацию об участниках дискурса и их вовлеченности в другие дискурсивные акты. Анализ обратной связи позволяет определить отношение аудитории к тому или иному социальному институту. Наконец, анализ последствий дает возможность раскрыть бенефициаров данного коммуникативного действия, причем даже в случаях, когда цели не были ими достигнуты. При этом следует понимать, что ни один из данных шагов не представляет собой целостного дискурс-анализа, поскольку акцентирован лишь на

одной из сторон исследуемого явления. Однако последовательное применение этих методов может дать и, скорее всего, даст максимально объективную картину.

Разумеется, такой подход потребует от исследователя и более широкого кругозора в целом, и специальных знаний, и учета большего количества деталей при анализе, но ведь и результат того стоит. В конце концов, дискурс-анализ и не должен быть легким занятием, поскольку дискурс не ограничивается рамками какой-то одной дисциплины (лингвистики, социологии, политологии и т.д.), а требует учета массы факторов и применения методологической базы разных дисциплин.

Заключение

Как было показано выше, формально-структурный подход к дискурсу, несмотря на свои внешние стройность и изящество, далеко не всегда служит надежным инструментом анализа. Здесь перед исследователем встают проблемы двоякого свойства. С одной стороны, многие виды деятельности (и соответствующие им виды дискурса, который тоже деятельность) протекают как в стенах официальных институтов, так и вне их. В таком случае, как было показано на примере педагогического дискурса, определить их институциональный статус бывает довольно затруднительно. В самом деле, нельзя же всерьез полагать, что воспитательный дискурс институционален в стенах учебного заведения, но сразу становится бытовым, когда участники выходят за порог школы и перестают быть агентами и клиентами. Нет, он все также выступают в качестве воспитателей и воспитуемых, могут даже употреблять те же самые слова и речевые обороты. Что же касается эффективности, можно спорить, что воспитывает больше, семья или школа, но сам этот спор уже указывает на неоднозначность и нерешенность проблемы даже на теоретическом уровне.

Другая и, на наш взгляд, более важная особенность институционального дискурса заключается в его высокой

лабильности, способности менять форму и содержание, подстраиваясь под складывающиеся тем или иным образом обстоятельства. Такая текучесть может стать настоящим кошмаром для исследователя, потратившего массу времени и сил на выявление существенных формальных характеристик институционального дискурса только чтобы узнать, что все изменилось и выявленные им признаки уже неактуальны.

Выход из данного методологического тупика нам видится в функциональном дискурс-анализе. Дискурс, особенно институциональный, представляет собой систему, а один из путей познания системы лежит как раз через познание ее функций. Этот путь тем более актуален, если изучаемая система, как дискурс, саморазвивается, теряя одни формальные признаки и приобретая другие. Образно говоря, гусеница превращается в бабочку, однако остается одним и тем же видом насекомого, преследующим в том числе при помощи метаморфоз все ту же цель сохранения себя как вида. Аналогичным образом вопросы доминирования и подчинения никогда не теряют актуальности, если речь идет об институциональном дискурсе. Участники институционального дискурса могут представлять разные социальные институты или даже формально не представлять ни один из них, но при этом отстаивание интересов той или иной организации, социальной группы, института в широком смысле слова будет указывать на то, что дискурс институционален.

Список литературы

- Аматов А. М., Свищев Г. В. «Четвертая власть» пятой республики: дискурс на грани институциональности. / А. М. Аматов // Текст. Язык. Человек: сб. науч. тр. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина; редкол.: С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. Мозырь: МГПУ им. И. П. Шамякина, 2023. С. 187–193.
- Карасик В. И. О типах дискурса /

В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000а. С. 5–20.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности. М., 2000б. С. 19–31.

Макаренко А. С. Книга для родителей / А. С. Макаренко. М: АСТ, 2019. 502 с.

Нефедова Г. М. Специфика интеграции формального, неформального и информального образования / Г. М. Нефедова // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review, 2017 (3), Томск. С. 127–132.

Остражкова Н. С. Обучение пониманию содержательного компонента педагогического дискурса лекции : Английский язык, языковой вуз : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Н. С. Остражкова / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2004. 18 с.

Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю. Е. Прохоров. М.: Флинта: Наука, 2006. 224 с.

Тленкопачева М. Н. Особенности речевого поведения участников англоязычных обучающих вебинаров: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / М. Н. Тленкопачева. – Пятигорск, 2019. – 209 с.

Brömmelstroet M., Mladenović M. N., Nikolaeva A., Gaziulusoy I., Ferreira A., Schmidt-Thome K., Ritvos R., Sousa S., Bergsma B. Identifying, Nurturing and Empowering Alternative Mobility Narratives // Journal of Urban Mobility. Volume 2. December 2022, 100031. DOI: 10.1016/j.urbmob.2022.100031

Catalano T., Waugh L. R. Critical Discourse Analysis, Critical Discourse Studies and Beyond. Springer Nature Switzerland AG, 2020. 406 p. DOI: 10.1007/978-3-030-49379-0

Dijk T. A. van. Discourse and power. NY: Palgrave Macmillan, 2008. 308 p.

Dijk T. A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach, London: Sage, 1998. 384 p.

Egan R. Provoking responsibility: The struggle for recognition as an everyday cyclist in Dublin City // Geoforum 127, 2021. Pp. 23–32. DOI: 10.1016/j.geoforum.2021.09.012

Fairclough N. I. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language, Harlow, UK: Longman, 1995. 265 p.

Fowler R. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge & Kegan Paul, 1991. 254 p.

Freed A.F. Institutional Discourse // The International Encyclopedia of Language & Social Interaction, Karen Tracy, Cornelia Ilie, & Todd Sandel, (eds.). Boston: John Wiley & Sons, 2015. Pp. 809–826. DOI: 10.1002/9781118611463.wbielsi151

Kauhanen S., Koponen J., Komppula R. The external business environment faced by the restaurant industry: Discourse analysis of trade journal editorials in Finland in 1979-2023 // European Journal of Tourism Research. 2024. Vol. 38 3807.

<https://doi.org/10.54055/ejtr.v38i.3408>

Oomen J., Hoffman J., Hajer M. A. Techniques of futuring: On how imagined futures become socially performative // European Journal of Social Theory. 2022. Vol. 25(2). Pp. 252–270. DOI: 10.1177/1368431020988826

Porsché Y., Scholz R., Singh J. N. Introducing Institutionalality // Institutionalality – Studies of Discursive and Material (Re-)ordering. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2022. Pp. 1–28. https://doi.org/10.1007/978-3-030-96969-1_1

Sherwani K. A. Global Review On The Past And Future Of Critical Discourse Analysis/Studies // Webology. 2021. Vol. 18, № 1. Pp. 624–648.

Wodak R., Meyer M. (Eds.) (2009). Methods of Critical Discourse Analysis. SAGE Publications, 204 p.

Yu X., Zheng H. A Critical Discourse Analysis of Different News Reports on the Same Event: Illustrated with Examples from *China Daily* and *The Guardian* // Open Journal of Social Sciences. 2022. № 10. Pp. 348–363. DOI:10.4236/jss.2022.1011023

Список использованных источников

КоммерсантЪ. Латвия, Литва и Эстония вызвали послов Китая из-за слов дипломата о «сомнительном суверенитете» постсоветских стран. 23.04.2023 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5952260> (дата обращения: 01.09.2024)

Педагогический энциклопедический словарь (ПЭС) / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. 3-е изд., стер. М.: Большая российская

энциклопедия, 2009. 527 с.

Современный энциклопедический словарь (СЭС). М: Большая российская энциклопедия, 2017. 600 с.

ТАСС. Евродепутаты призвали Францию объявить посла КНР персоной нон грата за высказывания. 23.04.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17589301> (дата обращения: 01.09.2024)

Full Elon Musk BBC Interview with Video and Timestamps 12th April 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IflfP4XwzAI> (дата обращения: 01.09.2024)

Hornby, A. S., Cowie, A. P., Gimson, A. C. (eds.) (2007) *Oxford advanced learner's dictionary of current English*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK. (In English)

L'interview polémique de Lu Shaye, ambassadeur de Chine en France. URL: https://www.youtube.com/watch?v=8XYDYflgm_tA (дата обращения: 01.09.2024)

References

Amatov, A. M., Svishchev, G. V. (2023). Chetvertaya vlast pyatoi respublik: diskurs na grani institutsionalnosti [The Fourth Power of the Fifth Republic: Discourse on the Verge of Institutional Status], in *Tekst. Iazyk. Chelovek*, MGPU, Mozyr', Belarus, 187–193. (In Russian)

Karasik, V. I. (2000a). O tipakh diskursa, in *Yazykovaya lichnost: institutsionalny i personalny diskurs* [On Types of Discourse], Peremena, Volgograd, Russia, 5–20. (In Russian)

Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse], Peremena, Volgograd, Russia. (In Russian)

Karasik, V. I. (2000b). Etnokulturnye tipy institutsionalnogo diskursa, in *Ethnocultural specificity of speech activity*, Moscow, Russia, 19–31. (In Russian)

Makarenko, A. S. (2019). Kniga dlya roditelei [The Book for Parents], AST, Moscow, Russia. (In Russian)

Nefedova, G. M. (2017). Spetsifika integratsii formalnogo, neformalnogo i informalnogo obrazovaniya, *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Pedagogical Review*, 2017 (3), Tomsk, Russia, 127–132. (In Russian)

Ostrazhkova, N. S. (2004). Teaching Understanding of the Essence of Pedagogical Discourse in a Lecture: English College Course,

Abstract of Ph.D. dissertation, Tambov, Russia. (In Russian)

Prokhorov, Yu. E. (2006). Deistvitelnost. Tekst. Diskurs [Reality. Text. Discourse], Flinta: Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Tlenkopacheva, M. N. (2019). Osobnosti rechevogo povedeniya uchastnikov angloyazychnykh obuchayushchikh vebinarov [Specifics of Communication in English-language webinars], Pyatigorsk, Russia. (In Russian)

Brömmelstroet, M., Mladenović, M. N., Nikolaeva, A., Gaziulusoy, I., Ferreira, A., Schmidt-Thome, K., Ritvos, R., Sousa, S., Bergsma, B. (2022). Identifying, Nurturing and Empowering Alternative Mobility Narratives, *Journal of Urban Mobility*, 2, 100031. (In English) DOI: 10.1016/j.urbmob.2022.100031

Catalano, T., Waugh, L. R. (2020). *Critical Discourse Analysis, Critical Discourse Studies and Beyond*, Springer Nature, Switzerland AG. (In English) DOI: 10.1007/978-3-030-49379-0

Dijk, T. A. van. (2008). *Discourse and power*, Palgrave Macmillan, NY, USA. (In English)

Dijk, T. A. van. (1998). *Ideology: A Multidisciplinary Approach*, London: Sage. (In English)

Egan, R. (2021). Provoking responsibility: The struggle for recognition as an everyday cyclist in Dublin City, *Geoforum* 127, 23–32. (In English) DOI: 10.1016/j.geoforum.2021.09.012

Fairclough, N. I. (1995). *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*, Longman, Harlow, UK. (In English)

Fowler, R. (1991). *Language in the News. Discourse and Ideology in the Press*, Routledge & Kegan Paul, London, UK. (In English)

Freed, A. F. (2015). Institutional Discourse, in Karen Tracy, Cornelia Ilie, & Todd Sandel (eds.), *The International Encyclopedia of Language & Social Interaction*, John Wiley & Sons, Boston, USA, 809–826. (In English) DOI: 10.1002/9781118611463.wbielsi151

Kauhanen, S., Koponen, J., Komppula, R. (2024). The external business environment faced by the restaurant industry: Discourse analysis of trade journal editorials in Finland in 1979–2023, *European Journal of Tourism Research*, 38, 3807. (In English) <https://doi.org/10.54055/ejtr.v38i.3408>

Oomen, J., Hoffman, J., Hajer, M. A. (2021). Techniques of futuring: On how imagined futures become socially performative, *European*

Journal of Social Theory, 25(2), 252–270. (In English) DOI: 10.1177/1368431020988826

Porsché, Y., Scholz, R., Singh, J. N. (2022). Introducing Institutionalality, in Porsché, Y., Scholz, R., Singh, J. N. (eds.) *Institutionality – Studies of Discursive and Material (Re-)ordering*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 1–28. (In English) https://doi.org/10.1007/978-3-030-96969-1_1

Sherwani, K. A. (2021). Global Review On The Past And Future Of Critical Discourse Analysis/Studies, *Webology*, 18, 1, 624–648. (In English)

Wodak, R., Meyer, M. (eds.) (2009). *Methods of Critical Discourse Analysis*, SAGE Publications. (In English)

Yu, X., Zheng, H. (2022). A Critical Discourse Analysis of Different News Reports on the Same Event: Illustrated with Examples from *China Daily* and *The Guardian*, *Open Journal of Social Sciences*, 10, 348–363. (In English) DOI:10.4236/jss.2022.1011023

Corpus materials

Kommersant. “Latviya, Litva i Estoniya vyzvali poslov Kitaya iz-za slov diplomata o «somnitelnom suverenitete» postsovetsskikh stran.” 23.04.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5952260> (Accessed 01 September 2024). (In Russian)

Pedagogicheskiy entsiklopedicheskiy slovar (2009) *Bolshaya rossiiskaya entsiklopediya*, Moscow, Russia. (In Russian)

Sovremenniy entsiklopedicheskiy slovar (2017) *Bolshaya rossiiskaya entsiklopediya*, Moscow, Russia. (In Russian)

TASS. Evrodeputaty prizvali Frantsiyu obyavit posla KNR personoy non grata za vyskazyvaniya. 23.04.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17589301> (Accessed 01 September 2024). (In Russian)

Full Elon Musk BBC Interview with Video and Timestamps 12th April 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=If1fP4XwzAI> (Accessed 01 September 2024). (In English)

Hornby, A. S., Cowie, A. P., Gimson, A. C. (eds.) (2007) *Oxford advanced learner's*

dictionary of current English, Oxford Univ. Press, Oxford, UK. (In English)

L'interview polémique de Lu Shaye, ambassadeur de Chine en France. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8XYDYf1gmtA> (Accessed 01 September 2024). (In French)

All authors have read and approved the final manuscript.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Conflicts of interests: the authors have no conflicts of interest to declare.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликтов интересов для декларации.

Александр Михайлович Амагов, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия.

Alexander M. Amatov, D.Sc. (Philology), Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Сергей Бонифацевич Кураш, доктор филологических наук, профессор, УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина», Мозырь, Беларусь.

Sergey B. Kurash, D.Sc. (Philology), Professor, I. P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University, Mozyr, Belarus.

Елена Сергеевна Данилова, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия.

Elena S. Danilova, Cand. Sc. in Philology, Associate Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.